
АФРИКА СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-108-119

EDN: OSDEDC

**ВЫБОРЫ В АФРИКЕ:
УСПЕХИ И НЕУДАЧИ ЭТНИЧЕСКОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ЭЛЕКТОРАТА**

© 2023 г. Р.Ф. Туровский, М.С. Сухова

*ТУРОВСКИЙ Ростислав Феликсович, доктор политических наук, профессор,
ORCID 0000-0001-8496-3098, RTurovsky@hse.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76.*

*СУХОВА Марина Сергеевна, аспирантка,
ORCID 0000-0001-6905-8890, mssukhova@gmail.com
НИУ ВШЭ, РФ, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20.*

Статья поступила 13.06.2023. После доработки 05.07.2023. Принята к печати 14.07.2023.

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния коалиционных стратегий элит на этнорегиональную консолидацию электората в африканских странах. Хотя этнический фактор традиционно считается одной из ключевых детерминант выборов в Африке к югу от Сахары, последние исследования демонстрируют, что степень влияния этнического фактора на голосование значительно различается в разных странах. Мы предполагаем, что одним из факторов, влияющих на снижение роли этнического голосования, являются коалиционные стратегии элит. Результаты исследования демонстрируют, что применение коалиционных стратегий со стороны элит действительно может оказывать влияние на этническую и региональную консолидацию электората и повышать однородность голосования на территории страны.

Ключевые слова: электоральная консолидация, коалиционные стратегии, институционализация партийных систем, этническое голосование, элиты, выборы, Африка.

**ELECTIONS IN AFRICA:
SUCCESSSES AND FAILURES OF ETHNIC
AND REGIONAL ELECTORAL CONSOLIDATION**

*Rostislav F. TUROVSKY,
ORCID 0000-0001-8496-3098, RTurovsky@hse.ru
MGIMO University, 76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russian Federation.*

*Marina S. SUKHOVA,
ORCID 0000-0001-6905-8890, mssukhova@gmail.com
HSE University, 20, Myasnitckaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.*

Received 13.06.2023. Revised 05.07.2023. Accepted 14.07.2023.

Abstract. The article examines the impact of elite coalition strategies on the ethno-regional consolidation of the electorate in African countries. Ethnic voting has traditionally been seen as a key factor in African elections, but recent research shows that other determinants also play a significant role. Moreover, it is clear that the strength of ethnic voting varies considerably from country to country, and various explanations have been offered, ranging from the features of the historical path to the structure of ethnic splits and the sizes of the ethnic groups in question. We suggest that the strength of ethnic voting can vary not only between countries, but also between different electoral cycles in the same country. The reason for this is the choice of strategy by political actors: we assume that when a coalition strategy is chosen, the role of ethnic cleavages will decrease, and the territorial homogeneity of the vote will increase. This paper examines three cases similar in terms of democracy level, political system, British colonial past, and ethnic heterogeneity: Malawi, Nigeria and Ghana. In cases of Malawi and Nigeria, we observe how the choice or rejection of a coalition strategy by political actors can influence the increase or decrease of ethno-regional consolidation of the electorate. Ghana is an example of successful and stable consolidation achieved through the consistent application of coalition strategies. This article demonstrates that coalition strategies of elites can indeed influence ethno-regional consolidation of the electorate. In addition, the research reveals that voting is significantly influenced by some other

non-ethnic factors related to economic voting (both retrospective and prospective), strategic voting of smaller ethnic groups, and distinctive kind of voting in national capitals.

Keywords: electoral consolidation, coalition strategies, institutionalization of party systems, ethnic voting, elites, elections, Africa.

About authors:

Rostislav F. TUROVSKY, Dr. Sci. (Polit.), Professor.

Marina S. SUKHOVA, Postgraduate Student.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях слабой институционализации партийных систем и низкого уровня партийной идентификации граждан важным фактором на африканских выборах¹ традиционно считается этнический. Наиболее заметно он проявился с началом демократизации, когда различные этнические группы впервые получили возможность артикулировать свои интересы на многопартийных выборах. При этом современные исследования африканских выборов демонстрируют, что этнический фактор является не единственным важным предиктором электоральных исходов. Избиратели могут проявлять экономическое голосование, оценивая успешность политической деятельности инкумбента [1, 2, 3], голосовать стратегически, поддерживая наиболее институционализированные партии [4], а также демонстрировать особенности электорального поведения в зависимости от социальных детерминант [5].

От чего зависит уровень “политизации этничности” в африканской стране? Согласно данным предыдущих исследований, на это могут влиять размер этнической группы в отношении к общему населению страны [6], усиление этнических расколов социально-экономическими [7], особенности “исторического пути”, в том числе процесса демократического транзита [5], и др. Мы предполагаем, что одним из главных факторов, влияющих на уровень этнического голосования, выступает выбор политической стратегии ключевыми акторами. При выборе элитами коалиционной стратегии этнорегиональные расколы могут сглаживаться, а территориальная однородность голосования — повышаться.

Таким образом, исследовательский вопрос работы заключается в следующем: каким образом коалиционные стратегии политических акторов могут влиять на этнорегиональную консолидацию электората на африканских выборах в условиях демократизации этнически дифференцированных обществ?

¹ Здесь и далее под Африкой подразумевается Африка южнее Сахары.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В АФРИКЕ

Африканские партийные системы считаются одними из самых слабо институционализированных в мире². Современные исследования показывают, что с годами африканские партийные системы становятся более институционализированными [9]; кроме того, уровень институционализации различается в разных государствах: в то время как в одних странах процесс демократизации привел к формированию относительно устойчивой многопартийной системы, в других странах сохраняются авторитарные режимы, тяготеющие к доминированию единственной партии.

Низкий уровень институционализации партийных систем выражается в нестабильных паттернах электоральной конкурентности, высокой волатильности партийных систем, слабых партийных “корнях” в обществе, слабой партийной организации и высоком уровне персонализма в партиях. Зачастую партии в Африке представляют собой платформы для реализации внутри-элитных договоренностей, продвижения личных интересов и перераспределения ресурсов [10]. Кроме того, они обычно не имеют ярко выраженной идеологии, выстраивая свои платформы на схожих популистских идеях, что затрудняет формирование четкой партийной идентификации у избирателей.

Что же обуславливает голосование избирателей в Африке в условиях аморфной партийной идентификации? Во-первых, как утверждают многие исследователи, политические режимы в Африке имеют неопатримониальный характер, то есть определяются сосуществованием формальных и неформальных институтов. Неформальные институты, такие как клиентелизм и патронаж, могут в решающей степени влиять на голосование избирателей и результаты выборов [11].

² Институционализация — “процесс, посредством которого практика или организация становятся общепризнанными и широко известными” [8, p. 25].

Во-вторых, распространено мнение о значительном влиянии этнической идентификации на голосование избирателей в африканских странах. Современные африканские государства были сформированы не в ходе естественного исторического процесса, а в результате проведения “искусственных” границ европейскими колонизаторами, итогом чего стало формирование обществ, крайне разнообразных с этнической, лингвистической, конфессиональной точек зрения. В условиях высокой фрагментированности этнический фактор³ может стать важным предиктором электорального поведения избирателя.

ЭТНИЧЕСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ В АФРИКЕ

Комментируя переход от однопартийности к многопартийности в Африке, американский политолог Д. Познер писал о реструктуризации этнических расколов, произошедшей в связи со сменой режима. На примере Замбии и Кении он демонстрирует, что в условиях однопартийных режимов ключевую значимость для индивида имела “местная” идентичность, выстраиваемая вокруг небольшой локальной группы. В условиях же многопартийной конкуренции политическое значение приобретают более масштабные расколы, формирующиеся вокруг региона, языка или религии [12]. Каждый этнос может выражать свои интересы через определенную партию или кандидата, а политики используют мобилизацию по этническому признаку как простой и эффективный способ получить голоса избирателей [13].

Однако этническая мобилизация несет за собой негативные последствия – рост напряженности внутри общества, усиление его фрагментации и поляризации, что выливается в межэтнические конфликты разного масштаба [14]. Африканские государства, ставящие целью формирование единых гражданских наций, как правило (по крайней мере на формальном уровне), стараются препятствовать этнической мобилизации. Например, во многих африканских странах запрещено формирование партий на основе региональных, этнических, конфессиональных и лингвистических характеристик [15]. Ярким исключением является Эфиопия, в которой этнос конституционно закреплен в качестве

³ Мы понимаем этничность в конструктивистском ключе как широкое понятие, включающее в том числе лингвистические и конфессиональные характеристики.

политической единицы [16] и является базой для формирования большинства партий. Однако и в других странах партии продолжают иметь “неформальные” этнические или региональные аффилиации.

Многие современные исследования сходятся в том, что этнический фактор в Африке не является единственным предиктором электорального поведения. Это было подтверждено, например, в работе немецких политологов М. Базедау и А. Строха [5], которая продемонстрировала, что, хотя этнический фактор и является значимым для результатов голосования, более важен фактор региональной принадлежности. Кроме того, значимы и другие предикторы – уровень образования, проживание в городе или селе, удовлетворенность деятельностью правительства. В другой работе М. Базедау и соавторы [17] приходят к выводам о том, что значимость этнической составляющей значительно варьирует от страны к стране, что зависит от различных (структурных, институциональных, исторических и др.) детерминант.

Отдельное внимание исследователи уделяют проявлениям экономического голосования. Американский политолог М. Брэттон и соавторы приходят к выводам о том, что африканские избиратели демонстрируют социально-экономическое голосование, а также склонны голосовать за более институционализированные партии и проявлять стратегическое голосование, поддерживая инкубентов [4]. Политологи С. Линдберг и М. Моррисон в исследовании избирательного процесса в Гане также приходят к выводам о том, что этнический фактор хотя и играет в нем роль, но не является ключевым – во многом его подменяют фактор региональной идентичности, “эффект друзей и соседей”, социально-экономическое голосование и пр. [1].

Кроме того, африканские избиратели оценивают политическую деятельность инкубентов в целом (*performance*). Исследование президентских выборов 2008 г. в Гане, проведенное американскими политологами Б. Хоффманом и Д. Лонгом, показывает, что более значимыми электоральными предикторами являются не этнические расколы, а успешная в глазах электората деятельность политических акторов [2]. Другие исследования демонстрируют, что африканские избиратели одновременно и дают оценку политической деятельности кандидата, и обращают внимание на его этничность [3, 18, 19].

Таким образом, помимо этнического фактора, выделяются, во-первых, сопряженные с ним факторы региональной принадлежности и “эффекта друзей и соседей” (то есть голосование за “земляков”); во-вторых, социальные факторы, такие как место проживания и уровень образования; в-третьих, рациональные факторы, связанные с оценкой деятельности политических акторов, в том числе социально-экономическими успехами; в-четвертых, стратегическое голосование, связанное, например, с голосованием за инкумбента или крупные политические партии.

От чего зависит уровень “политизации этничности” в стране? Д. Познер приходит к выводу, что значимость имеет размер этнической группы по отношению к общему размеру населения страны – крупные этносы с большей вероятностью будут обладать политической субъектностью [20]. К. Хоул и соавторы, в свою очередь, утверждают, что этническое голосование случается чаще там, где этнические расколы совпадают с социально-экономическими [7]. М. Базедау и А. Стрех предполагают, что различия между странами могут объясняться особенностями процесса демократического транзита, а также иными социальными и политическими детерминантами [5]. Наконец М. Базедау и А. Стрех указывают, что “роль этничности, по-видимому, зависит от мобилизационных стратегий элит, а не от коллективных интересов групп идентичности” [5, р. 21].

В нашем исследовании мы предполагаем, что одним из факторов, влияющих на степень развития этнического голосования в африканской стране, являются элитные стратегии политических акторов. Исследователи уделяют внимание изучению коалиционных стратегий африканских элит, в том числе формированию полиэтнических коалиций как способу достичь общенациональной поддержки и сохранить (или получить) власть. Как пишет Д. Скаррит, анализируя выборы в Замбии, “почти все партии последовали рецепту Познера⁴ – создать прочную этнополитическую поддержку в своих родных регионах и завоевать полиэтническую поддержку в других регионах...” [22, р. 252]. Д. Хоровиц на основе анализа выборов в Кении приходит к выводам о том, что они характеризовались в большей степени борьбой за “колеблющихся”

⁴ Речь идет о книге Д. Познера “*Institutions and Ethnic Politics in Africa*” [21].

избирателей, не принадлежащих к тем же этническим группам, что и лидеры президентской гонки [23]. Как правило, исследования сосредоточены на стратегических решениях элит, позволяющих им обеспечить победу на выборах. Мы подходим к этому вопросу с другой стороны и смотрим, каким образом эти стратегические решения влияют на консолидацию электората. Этот подход также позволяет изучить, как роль этнического голосования может варьировать не только между разными странами, но и внутри одной страны в рамках разных электоральных циклов.

Наша гипотеза состоит в том, что при выборе политическими акторами коалиционной стратегии более вероятно проявление этнорегиональной консолидации электората. Однако коалиционные возможности акторов ограничены, поэтому группы, не включенные в коалицию, могут демонстрировать свое особенное голосование.

ЭТНОРЕГИОНАЛЬНАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ В АФРИКАНСКИХ СТРАНАХ

На примере выборки из трех африканских стран мы изучим, как происходят процессы этнической и региональной консолидации на выборах в современной Африке в условиях демократизации. В выборку вошли три англоязычные страны – Малави, Нигерия и Гана, удовлетворяющие ряду критериев: во-первых, имеющие относительно конкурентную политическую среду (индекс электоральной демократии *V-Dem* превышает 0.4 [ист. 1]); во-вторых, имеющие четко выраженные этнические расколы, также отражающиеся в географической плоскости; в-третьих, предоставляющие данные о выборах в региональном разрезе. Все эти страны имеют схожие политические системы – президентские республики, в которых есть должность вице-президента (но отсутствует должность премьер-министра).

В работе рассматриваются результаты президентских выборов, так как парламентские выборы во многих африканских странах (включая выбранные нами кейсы) проходят по мажоритарной системе в одномандатных округах, что сокращает возможности для кроссрегионального анализа партийных размежеваний. Кроме того, в президентских республиках именно эти выборы являются наиболее важными с точки зрения

ния как распределения власти, так и избирателя. При этом анализ президентских выборов позволяет делать выводы об институционализации партийных систем, так как ключевые кандидаты выдвигаются от политических партий. В качестве основной коалиционной стратегии мы рассматриваем выдвижение кандидатов, принадлежащих к разным этнорегиональным группам, в паре “президент—вице-президент”. В качестве дополнительной коалиционной стратегии мы учитываем включение различных этнических групп в исполнительные органы власти в межвыборный период. Мы предполагаем, что при выборе коалиционных стратегий политическими акторами будет повышаться территориальная однородность голосования. Для ее измерения мы используем индекс национализации голосования, отражающий унификацию поддержки партий (кандидатов) в разных территориальных единицах⁵.

МАЛАВИ: ПРЕОДОЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Малави является интересным примером проявления внутривосточных расколов в электоральном поле. На выборах играет важную роль этнический фактор, который дополняется, а в некоторых случаях заменяется региональным (географическим) расколом. Страна делится на три крупных региона: Северный (этнос тумбука), Центральный (этнос чева, нгони) и Южный (этнос яо, ломве), и это деление с момента обретения независимости определяло контуры политической жизни страны. В 1964–1994 гг., во время однопартийного режима, в политике доминировали элиты Центрального региона (чева), а с введением многопартийной системы началась борьба за власть с участием южан, и северян. Так, на первых конкурентных выборах 1994 г. каждый из трех регионов был представлен своей партией на парламентских выборах и кандидатом на президентских (центр — Партия конгресса Малави, север — “Альянс за демократию”, юг — “Объединенный демократический фронт” (ОДФ)).

Центральный и Южный регионы примерно равны по количеству населения (около 7 млн человек), а Северный уступает им более чем в три

раза (около 2 млн человек), что не позволяет ему выступить в качестве равного соперника на выборах. Вследствие этого после 1994 г. к власти пришли южные элиты (яо, впоследствии ломве), а Север начал демонстрировать гибкость, не голосуя за собственных кандидатов, а поддерживая других, более значимых акторов. Этот пример можно охарактеризовать как выражение стратегического голосования северян, способствовавшего этнорегиональной консолидации.

При этом в Малави элиты часто пытались проводить политику консолидации электората. Уже в 2004 г. кандидат на президентских выборах южанин Б. Мутарика выбрал в качестве своего напарника (вице-президента) уроженца Центрального региона К. Чилумфу. Попытка принесла ему победу с результатом 35.97% голосов, а в 2009 г. он значительно укрепил результат, набрав 66.17% голосов. В период своего первого срока Б. Мутарика покинул “южную” партию ОДФ и создал собственную Демократическую прогрессивную партию (ДПП), стремящуюся завоевать поддержку по всей стране, что привело его к убедительной победе на выборах 2009 г. Именно в 2009 г. начались процессы региональной консолидации в Малави [25]. Тем не менее результаты выборов 2009 г. показывают, что кандидат от географического центра страны Д. Тембо и его Партия конгресса Малави набрали более 30%, что позволяет предположить сохранение традиционных паттернов голосования центра и консолидацию в основном за счет поддержки Б. Мутарика “рациональным” северным электоратом.

Однако процессы достигнутой консолидации оказались обратимыми. После смерти Б. Мутарика на следующих выборах 2014 г. его брат П. Мутарика вновь победил с невысоким результатом в 36.42%, получив в большей степени поддержку юга страны. Центр по-прежнему голосовал за Партию конгресса Малави и ее кандидата Л. Чакверу, а Север отказался от консолидации с Югом и поддержал в этот раз южанку Дж. Банда и ее Народную партию⁶. Как уточняется в литературе, “Банда смогла наладить отношения с несколькими важными политиками Севера; она также инициировала несколько проектов развития в регионе. Кроме того, ее брак с северянином также мог стать фактором успеха партии в этом регионе” [26, p. 88].

⁵ Индекс национализации, рассчитанный как разность единицы и индекса Джини, рассчитанного для территориальной совокупности голосов за партию (кандидата), принимает значения от нуля до единицы. Чем выше индекс, тем выше уровень однородности голосования [24].

⁶ Дж. Банда была вице-президентом при Б. Мутарике, но в результате конфликта с президентом была исключена из Демократической прогрессивной партии и из правительства, а затем основала собственную партию.

На выборах 2019 г. Малави вновь продемонстрировала глубокий этнорегиональный раскол: П. Мутарика (ломве, ДПП) получил голоса юга и набрал 38.57% голосов, Л. Чаквера (чева, Партия конгресса Малави) – голоса центра и 35.41% голосов. Север в условиях усилившегося раскола выбрал “своего”, но не местного кандидата: С. Чилима (нгони), не являясь уроженцем севера, получил там самую высокую поддержку и набрал 20.24% голосов по всей стране. Мы видим, что северяне, как правило, поддерживают кандидатов, выступающих против “южного истеблишмента”, что справедливо и для Дж. Банды, и для С. Чилимы⁷. С. Чилима, как и Дж. Банда, во время избирательной кампании уделял особое внимание Северному региону.

Таким образом, для Северного региона Малави этнический фактор не является ключевым на национальных выборах – местный электорат проявляет стратегическое или оппозиционное голосование независимо от этнической принадлежности кандидата. При этом глубокий этнорегиональный раскол отразился на результатах индекса национализации голосования на выборах 2019 г., который составил лишь 0.55⁸.

Результаты выборов 2019 г. были отменены конституционным судом после оспаривания оппозиционными кандидатами, и через год состоялись повторные выборы. Различие состояло в том, что на этот раз основные политические акторы выбрали коалиционную стратегию: Л. Чаквера вновь выдвинулся в президенты, а С. Чилима присоединился к нему в качестве кандидата в вице-президенты. П. Мутарика тоже сменил своего напарника: им стал А. Мулузи (яо), сын первого демократически избранного президента Малави Б. Мулузи, занявший на выборах 2019 г. четвертое место с результатом 4.68%, но основную поддержку А. Мулузи получил в южных округах с преимущественным населением яо.

Проведение двух кампаний в короткий промежуток времени, но с использованием разных элитных стратегий позволяет понять, каким образом стратегия коалиционного строительства может повлиять на результаты голосования. Результаты в целом по стране продемонстрировали ее успешность для оппозиционных кандидатов –

⁷ С. Чилима, как и Дж. Банда, покинул правящую Демократическую прогрессивную партию и создал собственную.

⁸ У П. Мутарики он составил 0.62, у С. Чилимы – 0.6, а у Л. Чакверы – 0.5.

Л. Чаквера и его напарник С. Чилима получили 58.57% голосов, что стало лучшим результатом для победителя президентских выборов в Малави после Б. Мутарики в 2009 г. Интересно, что Л. Чаквера и С. Чилима получили больший процент, чем сумма их результатов на прошлых выборах 2019 г. 55.65%, в то время как П. Мутарика и его вице-президент А. Мулузи – меньше, чем сумма их результатов в 2019 г. – 43.25% в 2019 г. и 39.41% в 2020 г. Оппозиция оказалась сильнее, так как объединила кандидатов, имеющих базу поддержки в центре и на севере, в то время как П. Мутарика и А. Мулузи были популярны только на юге.

В результате выборов Л. Чаквера победил во всех 15 округах Северного и Центрального регионов: избиратели севера и центра консолидировались в условиях коалиционной политики политических акторов. В то же время юг, не включенный в эту коалицию, голосовал по своему: во всех 12 округах Южного региона победил местный выходец П. Мутарика.

На результаты выборов могла повлиять и политика П. Мутарики по включению в кабинет преимущественно представителей Южного региона; кроме того, все министры, кроме А. Мулузи, входили в его Демократическую прогрессивную партию [27]. В условиях доминирования южных элит в исполнительной власти на первом сроке П. Мутарики (2014–2019) северный и центральный электорат имел еще меньше стимулов поддерживать его на выборах.

Пример Малави демонстрирует, как коалиционная политика двух акторов (Л. Чакверы и С. Чилимы) смогла частично консолидировать электорат, смягчив этнорегиональный раскол между севером и центром, которые на выборах 2020 г. поддержали одного кандидата. В то же время не включенный в коалицию юг продолжил поддерживать собственного кандидата. В результате этих процессов индекс национализации вырос, составив 0.62: для Л. Чакверы он значительно увеличился в результате успешной коалиционной политики и достиг 0.66, а для П. Мутарики, напротив, уменьшился до 0.57.

НИГЕРИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Нигерия является еще одним интересным кейсом для анализа этнорегиональных расколов. Три ключевые политически значимые группы в стране – хауса и фулани, живущие на севере,

йоруба (юго-запад) и игбо (юго-восток). Этнический раскол в Нигерии связан с религиозным фактором: в северной части страны проживают в основном мусульмане, в южной — христиане. Как и в Малави, в Нигерии эти расколы с момента независимости определяли политическую жизнь страны. В 1960—1964 гг. в стране было создано коалиционное правительство, включавшее Конгресс северных народов (хауса и фулани) и Национальный совет нигерийских граждан (игбо), в то время как в оппозиции находилась Группа действия (йоруба). Череда военных переворотов в последующие годы нарушила формирование коалиционных практик: в период с 1965 по 1998 г. доминировала во власти, как правило, северная группа.

С момента демократизации в конце 1990-х годов крупнейшие политические партии — Народно-демократическая партия (НДП), а затем “Всеобщий прогрессивный конгресс” (ВПК) — стремились к консолидации электората, используя стратегию, согласно которой в паре “президент—вице-президент” один должен быть мусульманином, второй — христианином. Анализ нигерийских выборов до 2023 г. демонстрирует, что в условиях применения коалиционной стратегии со стороны элит голосование не носит ярко выраженного этнического характера. Несмотря на то что оба кандидата в президенты от ключевых партий на выборах 2019 г. были с севера, южные штаты поддерживали их на выборах, не голосуя за своих “земляков”, выдвигавшихся от мелких партий. Таким образом, стратегическое голосование за представителей крупных партий перевешивало этническое.

При этом этнорегиональный раскол был заметен на электоральной карте: в 2019 г. юг в большей степени поддержал НДП, а север — ВПК. Этот раскол во многом связан с прошлым электоральным опытом: ранее от НДП выдвигались президенты-южане О. Обасанджо и Г. Джонатан, а ВПК создавался как коалиция, где крупнейшими были партии с базами поддержки на севере и на юго-западе среди йоруба. Таким образом, этнические различия влияли на голосование, но не прямолинейным образом, а через партии, имеющие определенную базу региональной поддержки. Стратегическое голосование за кандидата от одной из крупнейших партий, особенно в условиях использования коалиционной стратегии, влияло на сглаживание этнорегиональных различий в электоральном поведении.

В 2023 г. тем не менее сложилась нестандартная ситуация, в которой кандидат в президенты от правящей партии (ВПК) Б. Тинубу нарушил традиционную стратегию: являясь йоруба и мусульманином (что нетипично для йоруба), он баллотировался в паре с другим мусульманином — северянином К. Шеттимой. Помимо этого, выборы 2023 г. были примечательны еще одной особенностью: впервые три ключевых кандидата в президенты являлись представителями трех крупнейших этнорегиональных групп: Б. Тинубу — йоруба, А. Абубакар — фулани, П. Оби — игбо. На всех предыдущих президентских выборах ключевых кандидатов было только двое (лучший результат “третья сила” показала в 2007 г., когда А. Абубакар набрал 7.45% голосов), а этнорегиональное разнообразие могло быть и вовсе не представлено⁹.

С учетом нарушения элитной коалиционной стратегии, а также появления сразу трех сильных кандидатов — представителей трех основных этносов — регионализация голосования на выборах 2023 г. проявилась в значительной степени. Если рассматривать голосование в разрезе геополитических зон¹⁰, мы заметим, что в трех зонах, где доминируют крупнейшие этносы, результаты частично соответствуют этническому профилю кандидатов. Больше всего проявление этнического голосования заметно в случае П. Оби, который набрал в родной Юго-Восточной зоне (игбо) 87.78% голосов. В Юго-Западной зоне (йоруба) победил, но с меньшим отрывом Б. Тинубу (ВПК), а вот в Северо-Западной (хауса и фулани) А. Абубакар (НДП) не смог обойти кандидата от правящей партии, зато получил более половины голосов в Северо-Восточной зоне (где значительную часть составляет народ канури).

Однако в целом заметно, что электоральная карта поделена на три части, где на юго-востоке доминирует П. Оби, на западе/северо-западе — Б. Тинубу, на севере/северо-востоке — А. Абубакар. Таким образом, основные паттерны примерно соответствуют этнокультурным про-

⁹ На выборах 2007 и 2019 гг. оба ключевых кандидата были мусульманами-фулани с севера, а на выборах 1999 г. оба кандидата представляли народ йоруба. Напротив, в 2003, 2011 и 2015 гг. борьба шла более классическим образом между фулани и южанином (2003 г. — йоруба, 2011 и 2015 гг. — иджо).

¹⁰ Нигерия делится на шесть геополитических зон: Северо-Западная, Северо-Восточная, Северо-Центральная, Юго-Западная, Юго-Восточная и Юго-Южная.

филям кандидатов и значительно отличаются от сложившихся ранее паттернов поддержки политических партий. НДП (бывшая правящая партия), которая была традиционно сильна на юге и, в частности, на юго-востоке, на этот раз полностью уступила юго-восток П. Оби и получила наибольшую поддержку на севере. Поддержка правящего ВПК, напротив, значительно сместилась на юг. Таким образом, география голосования за кандидатов от двух ведущих партий кардинально изменилась по сравнению с выборами 2019 г., что показывает отсутствие четких партийных идентификаций у нигерийских избирателей и склонность руководствоваться конъюнктурными факторами.

Тем не менее даже на этих выборах, где этнокультурные факторы явно сыграли большую роль, видны проявления других факторов. Очень ярко выражено так называемое столичное голосование. В Лагосе, крупнейшем городе и бывшей столице страны, расположенной на юго-западе и являющейся “вотчиной” Б. Тинубу (он был там губернатором), победу смог одержать оппозиционный кандидат П. Оби, немного обогнав Б. Тинубу (П. Оби – 45.81%, Б. Тинубу – 45.04%). Это позволяет предположить, что в крупных агломерациях избиратели руководствуются иными электоральными мотивациями, нежели в сельской местности или небольших городах. Это подтверждается и данными из Абуджи, столицы страны, – там П. Оби тоже победил, набрав 61.23% голосов (его общенациональный результат составил только 25.4%). Поддержка П. Оби может объясняться и перспективным экономическим голосованием – кандидат выступал с планом реформ, необходимых для развития нигерийской экономики, а также активно продвигал свою повестку в СМИ¹¹. Также мог сработать фактор идеологической близости повестки кандидата и интересов городского избирателя, так как П. Оби не имел за собой мощной платформы (выдвигался от небольшой Партии труда), а также известных политических покровителей.

На результаты выборов в Нигерии могла повлиять и элитная стратегия, связанная с формированием состава исполнительной власти в межвыборный период. В период президентства фулани М. Бухари (2015–2023) вице-президентом являлся выдвигавшийся с ним йоруба

Й. Осинбаджо. Большую часть министерских постов занимали представители хауса и фулани, однако йоруба и игбо также были представлены в кабинете, в отличие от других, миноритарных этнических групп [27]. При этом раскладе логичным выглядит то, что преемник М. Бухари – Б. Тинубу получил большую часть голосов от хауса, фулани и йоруба. Напротив, представители других малых групп, обладающих политической субъектностью (иджо, тив, канури и др.), скорее, не поддержали Б. Тинубу, что может быть связано с невключением представителей их групп в исполнительную власть. Мы также видим, что малые группы проявляют стратегическое голосование, голосуя за одного из трех ключевых кандидатов, хотя ни один из них не принадлежит к их этнической группе.

Усиление регионализации голосования на выборах 2023 г. привело к снижению общего уровня национализации голосования с 0.74 до 0.61¹² и падению поддержки кандидата от правящей партии почти на 20 п. п.¹³ Похожий уровень национализации наблюдался и на выборах 2015 г., когда за пост президента боролись Г. Джонатан с юга и М. Бухари с севера, то есть показатель 2023 г. не является необычным для Нигерии. Однако впервые за историю своей демократизации страна оказалась разделена на три “электоральных лагеря”, а не на два. Кроме того, получить часть южных голосов Б. Тинубу помешала выбранная им стратегия отхода от коалиционной связки мусульман и христиан в тандеме “президент–вице-президент”, что позволило другим кандидатам оттянуть у него часть поддержки – в итоге он победил с наименьшим числом голосов в истории современной Нигерии.

Пример Нигерии демонстрирует, что в стране сохраняются этнорегиональные электоральные расколы, которые иногда получается нивелировать с помощью коалиционных стратегий политических акторов. Однако на последних выборах, где кандидат от правящей партии отказался от этой стратегии, имея при этом двух сильных конкурентов (как с севера, так и с юга), эти расколы проявились весьма ярко и привели

¹¹ За период правления ВПК ВВП Нигерии снизился с 574.2 млрд долл. в 2014 г. до 440.8 млрд в 2021 г.

¹² Наиболее высокий уровень национализации продемонстрировал Б. Тинубу (0.73), что можно объяснить эффектом правящей партии, объединившей ряд этнических групп. Уровень национализации голосования за А. Абуакара снизился с 0.73 до 0.67, для П. Оби составил всего 0.45.

¹³ Доля голосов победителя Б. Тинубу составила только 36.6%.

к малоубедительной победе Б. Тинубу. Впрочем, даже на этих выборах, где этнорегиональный фактор сыграл немаловажную роль, проявились и другие паттерны — о них свидетельствует неполное совпадение этнических профилей кандидатов и поддерживающих их регионов, ярко выраженное столичное (а также перспективное) голосование за П. Оби и сохранение поддержки А. Абубакара на юге за счет партийных ресурсов.

ГАНА: ОБРАЗЕЦ УСПЕШНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

В Гане ключевым является водораздел между представителями крупнейшего субэтнуса ашанти (часть этноса акан) и иных, менее многочисленных этносов (эве, га-адангбе, “северные” народы, другие субэтносы акан и пр.). Однако стране удалось добиться успешной территориальной консолидации электората — уровень национализации на президентских выборах 2016 и 2020 гг. составил 0.82 и 0.84 соответственно. Значительную роль в этом сыграл выбор коалиционной стратегии крупнейшими политическими акторами.

Электоральная борьба в Гане ведется между двумя крупнейшими партиями — Новая патриотическая партия (НПП) и “Национальный демократический конгресс” (НДК). С момента демократизации в Гане четыре раза побеждали кандидаты от НДК (1992, 1996 гг. — Дж. Ролингс (эве), 2008 г. — Дж. Атта-Миллс (фанте, субэтнос акан), 2012 г. — Дж. Махама (гонжа, “северные народы”) и 4 раза — кандидаты от НПП (2000, 2004 гг. — Дж. Куфуор, 2016, 2020 гг. — Н. Акуфо-Аддо (оба ашанти)).

НДК изначально воспринимался как партия, представлявшая в основном интересы эве (Дж. Роллингс, регион Вольта), но при этом получал довольно однородную поддержку по территории страны¹⁴ (имея при этом ключевые очаги поддержки в Вольте и на севере, где, в отличие от юга и центра, распространен ислам). НПП воспринималась как партия ашанти, и это проявлялось в ее электоральных результатах — она получала невысокую поддержку на выборах в регионах, где преобладали другие этносы. Однако последовательная коалиционная политика со стороны партийных элит привела к тому, что

¹⁴ Индекс национализации голосования за НДК всегда держался на высоком уровне, составив в 1996 г. 0.87, в 2020 г. — 0.85.

в “чужих” регионах НПП в настоящий момент получает значительную поддержку, а уровень однородности голосования за эту партию значительно вырос: в 1996 г. уровень национализации голосования за кандидата от НПП составил 0.69, а в 2020 г. — 0.84. Поддержка НПП значительно возросла в ряде регионов, которые изначально голосовали за НДК, в течение прошедших электоральных циклов (больше всего в Северо-Восточной области: 12.4% — в 1996 г. и 51.4% — в 2020 г.). Меньше всего за НПП до сих пор голосует Вольта, хотя и там поддержка выросла: в 1996 г. она составляла 4.4%, а в 2020 г. — 14.1%.

Коалиционные стратегии использовались ганскими политиками с самого начала демократизации. С 1992 г. кандидаты в президенты и вице-президенты от НДК и НПП обязательно представляли разные этносы, а начиная с 2004 г. у обеих партий обязательным элементом стала кооптация северянина (чаще всего мусульманина). При этом НПП всегда выдвигала на пост президента представителя ашанти, а северянина — в качестве кандидата в вице-президенты. НДК, напротив, с 2012 г. выдвигает на пост президента Дж. Махаму, выходца с севера, который, как правило, идет на выборы с напарником акан из Центральной области.

Политический маятник между НПП и НДК сигнализирует о том, что этническое голосование не является ключевым в электоральном контексте Ганы, что подтверждается и исследованием Б. Хоффмана и Д. Лонга, показывающим, что важную роль в Гане играет оценка электоратом политической деятельности инкумбента [2]. Интересно, что последний раз власть сменилась в 2016 г. (инкумбент Дж. Махама проиграл Н. Акуфо-Аддо), что последовало за резким падением ВВП страны в 2015 г. Все последующие годы Гана демонстрировала стабильный экономический рост, что могло послужить фактором повторной победы Н. Акуфо-Аддо. Исследователи также отмечают, что период президентства Дж. Махамы ознаменовался высоким уровнем коррупции и игнорированием ряда насущных проблем [28], что могло негативно повлиять на оценку его деятельности избирателями и привести к проигрышу на выборах 2016 г.

Возвращаясь к коалиционным стратегиям элит, важно отметить, что все ключевые этносы были включены в состав правительства независимо от того, какая партия находилась у власти. Например, в период президентства Дж. Куфуора

(2000–2008) вице-президентом был северянин, а среди министров присутствовали представители других народов (акан, эве, га и др.). Позитивный опыт первого срока Дж. Куфуора, выбравшего коалиционную стратегию, оказал влияние на консолидацию электората, вследствие чего уровень однородности голосования на его повторных выборах 2004 г. резко вырос, а северные регионы стали более масштабно поддерживать НПП. Аналогичные инклюзивные практики отмечались в периоды президентств Дж. Атта-Миллса (2008–2012), Дж. Махамы (2012–2016) и Н. Акуфо-Аддо (2016–н. в.) [27]. Эти практики могли оказать благотворное влияние на консолидацию электората, а также на проявление стратегического голосования среди тех этнических групп, которые не имеют “своего” кандидата в президенты. Так, на выборах 2020 г. в парах были представлены ашанти Н. Акуфо-Аддо и моле-дагбон (северянин) Д. Бавумиа от НПП, а также гонжа (северянин) Дж. Махама и фанте Дж. Опоку-Агъеманг от НДК. Тем не менее практически все избиратели, включая другие этнические группы, поддержали именно представителей от этих партий.

Единственным девиантным регионом остается Вольта, которая на каждом выборах голосует за НДК. Эта особенность связана с тем, что Дж. Ролингс, эве из Вольты, бывший президентом в 1992–2000 гг., выдвигался именно от НДК. Кроме того, до избрания президентом на многопартийных выборах Дж. Ролингс возглавлял страну в 1982–1992 гг., придя к власти в результате переворота. Таким образом, на голосование в Вольте может оказывать большое влияние фактор личности ее уроженца Дж. Ролингса. Со своей стороны НПП и не пыталась интегрировать Вольту, ни разу не включив в пару “президент–вице-президент” представителей эве, хотя и включала их в исполнительную власть.

При наличии исключения в виде Вольты Гане удалось добиться успеха в процессах этнорегиональной консолидации электората. Несмотря на то что в стране практически каждый электоральный цикл НПП и НДК набирают практически равное количество голосов, этот водораздел не подчинен в полной мере этнорегиональному фактору. На выборах 2020 г. выходец с севера Дж. Махама получил преимущество в северных областях, но значительное число северных избирателей поддержало и НПП. Общий уровень национализации голосования на президентских

выборах не опускается ниже 0.8 в течение последних четырех электоральных циклов. Этому способствовали как использование элитами коалиционных стратегий на выборах, так и инклюзивная политика властей в межвыборный период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование позволяет сделать ряд выводов об особенностях электорального поведения в странах Африки к югу от Сахары. Рассмотренные примеры демонстрируют, что элитные стратегии могут оказывать сильное влияние на этнорегиональную консолидацию электората. Пример президентских выборов 2020 г. в Малави демонстрирует, как коалиционная стратегия Л. Чакверы и С. Чилимы, имевших поддержку на севере и в центре страны, помогла консолидировать электорат соответствующих регионов, что привело к поражению инкумбента, который имел поддержку только на юге. Напротив, пример президентских выборов 2023 г. в Нигерии демонстрирует, как отказ от коалиционной стратегии представителя правящей партии Б. Тинубу и ряд других конъюнктурных факторов, в частности появление сильного “третьего игрока”, привели к усилению регионализации страны и ее электоральному разделению на три макрорегиона, во многом, но не полностью соответствующих этническим линиям. Кроме того, этнические группы, не включенные в исполнительную власть, в большинстве своем поддержали оппозиционных кандидатов. В качестве позитивного примера успешной и стабильной консолидации выступает Гана, где хотя и можно проследить этнические паттерны голосования, электоральный ландшафт представляется однородным, что связано с последовательным применением политическими акторами коалиционных стратегий.

Важно также отметить, что использование коалиционных стратегий помогает политическим акторам обеспечить себе победу на выборах с более высоким результатом и тем самым укрепить свою легитимность. Кроме того, этнорегиональная консолидация электората сама по себе ведет к уменьшению значимости на выборах этнического фактора и к повышению роли иных факторов, что способствует институционализации партийных систем.

Среди неэтнических факторов, влияющих на голосование, очевидно, во-первых, проявление

ние стратегического голосования среди малых этнических групп, которые не имеют своего представителя на выборах. Такие группы предпочитают голосовать за кандидатов от крупных партий, хотя они не совпадают по этническому профилю. Эти данные соотносятся с выводами М. Брэттона и соавторов, отмечавших склонность африканских избирателей поддерживать институционализованные партии и инкумбентов [4].

Во-вторых, в ряде случаев можно заметить проявления экономического голосования: это актуально для Нигерии, где в голосовании за П. Оби проявилось перспективное голосование, а в падении поддержки кандидата от правящей партии – ретроспективное, основанное на неудовлетворенности экономическими результатами Нигерии. В Гане экономический (ретроспективный) фактор выступает одним из ключевых

и позитивных для инкумбента, что соотносится с результатами последних электоральных циклов. Влияние экономических мотиваций, а также общего восприятия избирателями деятельности инкумбентов на голосование в Африке также отмечалось другими исследователями [1, 2, 3, 4].

В-третьих, в некоторых случаях наблюдается эффект “столичного голосования”, что особенно ярко проявилось на последних выборах в Нигерии, где в главных городах Лагосе и Абудже победил П. Оби, занявший в целом по стране третье место. Мы видим, что электорат крупных городов более склонен руководствоваться при голосовании не этническими характеристиками кандидатов, а иными, в том числе стратегическими и экономическими, мотивами – это соотносится с выводами М. Базедау и А. Строха, отмечавших, что социальные характеристики влияют на электоральные предпочтения [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Lindberg S.I., Morrison M.K. Are African voters really ethnic or clientelistic? Survey evidence from Ghana. *Political Science Quarterly*, 2008, vol. 123, no. 1, pp. 95-122. DOI: 10.2307/20202973
- Hoffman B.D., Long J.D. Parties, ethnicity, and voting in African elections. *Comparative Politics*, 2013, vol. 45, no. 2, pp. 127-146. DOI: 10.5129/001041513804634235
- Carlson E. Ethnic voting and accountability in Africa: A choice experiment in Uganda. *World Politics*, 2015, vol. 67, no. 2, pp. 353-385. DOI: 10.1017/S0043887115000015
- Bratton M., Bhavnani R., Chen T.H. Voting intentions in Africa: ethnic, economic or partisan? *Commonwealth & Comparative Politics*, 2012, vol. 50, no. 1, pp. 27-52. DOI: 10.1080/14662043.2012.642121
- Basedau M., Stroh A. How ethnic are African parties really? Evidence from four Francophone countries. *International Political Science Review*, 2012, vol. 33, no. 1, pp. 5-24. DOI: 10.1080/14662043.2012.642121
- Posner D.N. The political salience of cultural difference: Why Chewas and Tumbukas are allies in Zambia and adversaries in Malawi. *American Political Science Review*, 2004, vol. 98, no. 4, pp. 529-545. DOI: 10.1017/S0003055404041334
- Houle C., Park C., Kenny P.D. The structure of ethnic inequality and ethnic voting. *The Journal of Politics*, 2019, vol. 81, no. 1, pp. 187-200. DOI: 10.1086/700200
- Mainwaring S. *Rethinking party systems in the third wave of democratization: the case of Brazil*. Stanford University Press, 1999. 412 p.
- Weghorst K.R., Bernhard M. From formlessness to structure? The institutionalization of competitive party systems in Africa. *Comparative Political Studies*, 2014, vol. 47, no. 12, pp. 1707-1737.
- Angerbrandt H. Party system institutionalization and the 2019 state elections in Nigeria. *Regional & Federal Studies*, 2020, vol. 30, no. 3, pp. 415-440.
- Albert I.O. Explaining ‘godfatherism’ in Nigerian politics. *African Sociological Review / Revue Africaine de Sociologie*, 2005, vol. 9, no. 2, pp. 79-105.
- Posner D.N. Regime change and ethnic cleavages in Africa. *Comparative political studies*, 2007, vol. 40, no. 11, pp. 1302-1327.
- Eifert B., Miguel E., Posner D.N. Political competition and ethnic identification in Africa. *American journal of political science*, 2010, vol. 54, no. 2, pp. 494-510.
- Прокопенко Л.Я. *Новые политические элиты в государствах Юга Африки*. Москва, Институт Африки РАН, 2011. 252 с.
Prokopenko L.Ya. *New Political Elites in the States of Southern Africa*. Moscow, Institute of Africa, 2011. 252 p. (In Russ.)
- Basedau M., Bogaards M., Hartmann C., Niesen P. Ethnic party bans in Africa: a research agenda. *German Law Journal*, 2007, vol. 8, no. 6, pp. 617-634.

16. Исмагилова Р.Н. Этничность и федерализм: опыт Эфиопии. *Этнографическое обозрение*, 2008, № 1, сс. 118-132.
Ismagilova R.N. Ethnicity and federalism: Ethiopia's experience. *Ethnographic Review*, 2008, no. 1, pp. 118-132. (In Russ.)
17. Basedau M., Erdmann G., Lay J., Stroh A. Ethnicity and party preference in sub-Saharan Africa. *Democratization*, 2011, vol. 18, no. 2, pp. 462-489.
18. Adida C., Gottlieb J. Kramon, E., McClendon G. Overcoming or reinforcing coethnic preferences? An experiment on information and ethnic voting. *Quarterly Journal of Political Science*, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 437-477.
19. Ferree K.E., Gibson C.C., Long J.D. Mixed records, complexity, and ethnic voting in African elections. *World Development*, 2021, vol. 141, 105418. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105418
20. Posner D.N. The political salience of cultural difference: Why Chewas and Tumbukas are allies in Zambia and adversaries in Malawi. *American Political Science Review*, 2004, vol. 98, no. 4, pp. 529-545. DOI: 10.1017/S0003055404041334
21. Posner D.N. *Institutions and ethnic politics in Africa*. Cambridge University Press, 2005. 339 p.
22. Scarritt J.R. The strategic choice of multiethnic parties in Zambia's dominant and personalist party system. *Commonwealth & Comparative Politics*, 2006, vol. 44, no. 2, pp. 234-256. DOI: 10.1080/14662040600831669
23. Horowitz J. The ethnic logic of campaign strategy in diverse societies: Theory and evidence from Kenya. *Comparative Political Studies*, 2016, vol. 49, no. 3, pp. 324-356. DOI: 10.1177/0010414015617963
24. Jones M.P., Mainwaring S. The nationalization of parties and party systems: an empirical measure and an application to the Americas. *Party Politics*, 2003, vol. 9, no. 2, pp. 139-166. DOI: 10.1177/13540688030092002
25. Chinsinga B., Kayuni H. The contemporary political context in Malawi: challenges, opportunities and prospects. *Centre for Multiparty Democracy in Malawi (CMD-M)*, 2010, pp. 1-14.
26. Patel N., Wahman M. The presidential, parliamentary and local elections in Malawi, May 2014. *Africa Spectrum*, 2015, vol. 50, no. 1, pp. 79-92. DOI: 10.1177/000203971505000106
27. Girardin L., Hunziker P., Cederman L.-E., Bormann N.-C., Rüegger S., Vogt M. *GROWup – Geographical Research on War, Unified Platform*. ETH Zurich, 2015. Available at: <https://growup.ethz.ch/atlas/> (accessed 02.06.2023).
28. Элез А.Й. Выборы как один из показателей уровня политической культуры в странах Тропической Африки. *Вестник Института мировых цивилизаций*, 2020, № 11, сс. 67-77.
Elez A.Y. Elections as one of the indicators of the level of political culture in the countries of Tropical Africa. *Bulletin of the Institute of World Civilizations*, 2020, no. 11, pp. 67-77. (In Russ.)

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *V-Dem Institute. Democracy Report 2023*. Available at: https://www.v-dem.net/documents/29/V-dem_democracyreport2023_lowres.pdf (accessed 02.06.2023).